

СОВРЕМЕННАЯ ЕВРОПА: В ПОИСКЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

М.М. Решетников

*НОУ «Восточно-Европейский институт психоанализа»,
г. Санкт-Петербург*

Рецензент С.В. Мищенко

Ключевые слова и фразы: гуманитарные концепции; естественное равенство; идеи демократии; националистические настроения; социальный активизм; трансформация родительских структур; цивилизация.

Аннотация: Дана попытка «объективизировать» некоторые из наиболее актуальных гуманитарных проблем. Сохранение национальной идентичности, которая является высочайшей ценностью для любой нации – это самостоятельный, слишком большой и очень болезненный вопрос, требующий обсуждения и анализа и в его краткосрочной, и в долговременной перспективе.

Исторические процессы духа

Представляемый материал будет апеллировать преимущественно к психоанализу Зигмунда Фрейда и концепции «исторических процессов духа» Вильгельма Дильтея, объединяя их общей целью – вникнуть в переживания индивида конкретной эпохи. Это проникновение в переживания, как и все психологическое знание – неочевидно, и в большинстве случаев автор не сможет представить каких-либо веских доказательств тем или иным идеям. Более того, учитывая рамки предполагаемого сообщения, все теоретические обоснования (хорошо известные специалистам) останутся «за скобками», и будут обобщены только некоторые фрагменты «истории болезни» современности, обычно ускользающие как от обыденного внимания, так и от научного анализа. Поэтому, в данном случае целесообразнее говорить лишь о попытке «объективизировать» некоторые из наиболее актуальных гуманитарных проблем.

Решетников М.М. – доктор психологических наук, кандидат медицинских наук, профессор, ректор Восточно-Европейского института психоанализа, член Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации РФ, член экспертного совета МЧС РФ, г. Санкт-Петербург.

Идеи демократии

В последние годы становится все более очевидным: что-то происходит с демократическими институтами и идеей гражданского общества. И это «что-то» происходит не только в России. Совсем недавно почти привычными стали новые термины – «управляемая демократия», «суверенная демократия», ранее говорилось о «пост-демократии» и т.д. О чем это свидетельствует?

Обращаясь к просвещенной аудитории вряд ли уместно апеллировать к периоду формирования демократических идей (XVIII век) и хорошо всем известным понятиям экономической и политической свободы, поэтому обратимся только к этической составляющей лозунга демократии: «равенству и братству». Эта этическая составляющая, по сути, предлагала новую веру в величие свободы духа и свободной личности. Последний тезис априори предполагал *естественное* (или природное) равенство всех людей, а все имеющиеся формы неравенства рассматривались как искусственные, обусловленные сложившейся в обществе несправедливостью, а также – воздействием морально устаревших социальных институтов. Считалось, что достаточно освободиться от этих институтов, как человек проявится во всем величии своих духовных и физических сил.

И здесь было первое и глубочайшее заблуждение, ибо, как убедительно доказано всем историческим и социальным опытом Человечества, люди не равны по своим физическим, интеллектуальным и духовным качествам, и с этим, как отмечал даже Маркс, ничего нельзя поделать. Тем не менее, на протяжении двух последних столетий формальным критерием развития Европейской цивилизации (и европейского гуманитарного знания) оставалась апелляция к тем нравственным императивам, тем правам и свободам, которые были записаны сначала во французской революционной «Декларации прав человека и гражданина», а затем, уже в середине XX века – во «Всеобщей декларации прав человека».

И хотя провозглашенные принципы «Свободы, равенства и братства», фактически, никогда не отвергались и не пересматривались, в XX веке (и особенно – в начале XXI) они претерпели существенные изменения. Но пока – не были переосмыслены, и даже не обсуждаются.

Искаженная психическая реальность

Философия позитивизма и либеральная идеология, появившаяся как приемница идей Просвещения, и провозглашающая приоритеты, прежде всего – свободы экономической (следствием чего стало еще более явное неравенство), закономерно привели к появлению социал-демократических, а затем и коммунистических идей.

Причина достаточно очевидна – обесценивание идей Просвещения, из которых постепенно «вытеснялись» идеи всеобщего «равенства и братства», на смену которым закономерно пришли столь же невротически-иллюзорные (а если быть более точным – патологические) идеи парциального звучания: «пролетарского братства», «социалистического единства» и т.д., породившие аффективную разрядку с реками крови своих же соотечественников, и затем – ушедшие в историю. В итоге, к началу XXI века из

всего идеологического обеспечения демократии сохранилась только идея экономической свободы, обретшая новое звучание в другом, на первый взгляд – «терапевтическом», а на самом деле – иллюзорно-спекулятивном лозунге: «равенство возможностей». Но и здесь также и наука, и социальный, и исторический опыт множества поколений тысячекратно подтверждают, что никакого равенства возможностей не было и нет. Ни для отдельных людей, ни для конкретных наций, ни для тех или иных государств. Официальная демократическая доктрина не предлагает в данном случае никакой объяснительной системы или интерпретации, а граждане демократических стран уже давно живут и действуют в условиях искаженной психической реальности.

Кризис невротического гуманизма

В последнее десятилетие преобладает ощущение, что мы (имеется в виду Человечество в целом) сейчас переживаем или приближаемся к смене парадигмы развития, и эта смена, скорее всего, будет осуществляться чрезвычайно болезненно и ... нецивилизованно. Если мы бросим взгляд на все предшествующие эпохи нашей европейской (Христианской) цивилизации, то, прежде всего, можем заметить, что все они опирались на реальные или иллюзорные гуманитарные концепции. В некотором смысле – гуманизм был стержнем развития европейской цивилизации и, соответственно, – стержнем формирования личности европейского типа: ориентация на чувства, на возвышенное и прекрасное, поддержка слабых, забота о сырых и убогих, борьба за справедливость наполняли человечество духовными силами, даже несмотря на то что осуществление этих гуманитарных проектов часто граничило с огромной расточительностью и нерациональностью (типично-невротический паттерн). Но именно эти (гуманитарные) аспекты поведения сейчас, как представляется, подвергаются сомнению или – точнее – мало верифицируются на современной картине мира, а невротический тип реагирования на «превратности судьбы» приобретает качественно иные характеристики. От невротического «думать, сомневаться, переживать» мир все более явно смещается к силовым решениям с паранойяльной «уверенностью в своей правоте, ненависти к инакомыслию и потребности в агрессивном действии» (обычно оправдываемом как «противодействие»).

Мы вошли или входим в новую эпоху, о которой было много предсказаний, и многие считали, что это будет гуманитарная эпоха. Не разделяю этих ожиданий, и думаю, что она будет скорее технократически-информационной, с опорой на прагматизм и силу, а не на гуманизм. Более того, думаю, что она уже – почти такая. При этом прошлые достижения в сфере духовной жизни – будут чем-то замещаться. Пока можно только предполагать – чем? Но совершенно очевидно, что наши прежние духовные ценности не могут быть переведены на язык технических систем и, уже поэтому, чужды современной эпохе.

При этом одновременно с кризисом гуманитарных идей будут ставиться под сомнение традиционные понятия смысла жизни, а также – духовные ценности и вера, которые являются не только существенными

компонентами мировоззрения современной личности, но и входят в число важнейших механизмов «социальной механики» – системы власти и управления. Поэтому вслед за модификацией поведения людей, скорее всего, начнется (точнее – уже началась) модификация действующих форм государственной власти практически во всех (самых демократичных) странах.

«Паранойяльный сдвиг»

Когда массы имеют высокие объединяющие идеи, это всегда порождает ту или иную социальную активность, особенно – в молодежной среде. Когда таких идей нет (опять же – прежде всего в молодежной среде) появляется качественно иное явление, которое можно было бы квалифицировать как «социальный активизм», в самом определении которого присутствует некий деструктивный компонент. Этот деструктивный компонент усиливается тем, что постепенно утрачиваются условия для диалога поколений, этнических групп, наций и народов, а у «активистов» – надежда быть выслушанными, и уж тем более – быть услышанными. Круг лиц, которых надлежит слушать, все более сужается, при этом принадлежность к этому кругу определяется не столько особыми личными качествами «властителей дум», сколько их официальным статусом в государственной иерархии сверхдержав. Осмысленность бытия сменяется его неопределенностью, непредсказуемостью и небезопасностью.

Как представляется современный социальный активизм отдельных национальных групп, включая наш «родной» русский национализм, впрочем, как и современный фанатизм отдельных направлений мировых религий и их переход в идеи мученичества и терроризма – нужно рассматривать как явления одного порядка, и даже – как звенья одной цепи, а именно – планетарной патологизации общественного сознания.

В силу упомянутых выше факторов современная действительность создает особую «питательную среду» для размножения вируса интолерантности и терроризма, развивающегося по известной формуле: «Это не я ненавижу X, а он ненавидит и преследует меня». Безусловно, особо подверженной заражению этим вирусом оказывается категория уже упомянутых социальных активистов. Во всяком случае, никто не заподозрит в террористе, скинхede или фашисте «пассивную личность», также как и не будет отрицать реальность феномена психического заражения и его особую вирулентность в информационную эпоху, особенно – если учитывать, что практически все новостные и кинопрограммы мало чем отличаются от хроники преступлений и происшествий (тем самым, демонстрируя «новые социальные образцы»).

Психические травмы и травмированные сообщества

Почти все мы живем в многонациональных сообществах, где (несмотря на заметные всем экономические успехи) одновременно существует очень много людей, чьи представления о социальной справедливости подверглись большим испытаниям. Эти люди хранят в себе и давние исторические, и совсем недавние психические травмы и обиды, которые не были отреагированы, и (следовательно) – остаются активно действующими. Это

касается и титульных наций, и всех остальных. Никакой социальной терапии в этом направлении не проводилось и не проводится, в том числе: в особо нуждающихся в ней – пост-тоталитарных обществах. Многие питают иллюзорные надежды на не выдержавшую проверку временем идею «плавильного котла» и иные подобные теории, а националистические настроения растут во всем мире... На фоне безбожного и безыдейного пространства европейской культуры, можно высказать предположение, что национальная идентификация – это последняя форма идентификации, когда уже больше нечем гордиться, и нет никаких объединяющих идей, или – пользуясь выражением Фрейда – утрачена «либидозная конституция массы», которая позднее была названа Гумилевым «пассионарностью».

Трансформация родительских структур

Нельзя не замечать и другого: на фоне последовательного усиления государственно-охранительного аппарата во всех развитых странах, граждане чувствуют себя все менее защищенными. Если довести этот тезис до крайности и апеллировать к преобладающим чувствам европейцев, то получится, мягко говоря – мало приятный вывод: государство еще может кого-то наказать, но в ряде случаев и ситуаций уже почти никого не может защитить, включая VIP-персон всех уровней, которых убивают десятками каждый год. Общемировой уровень преступности за последние 30 лет увеличился в 4 раза, а в самых развитых демократиях, таких как США, в 8 раз. В России – только за последние 15 лет – также в 8 раз. Правомерен вопрос: это неизбежное следствие развития демократии или ее побочный эффект? Не уместно ли здесь провести параллель с типичным патогенным фактором детства, а именно – отсутствием чувства защищенности, заботы со стороны родительских структур и их чрезмерной требовательности к ребенку, что во многих случаях провоцирующих асоциальное поведение.

Востребованная агрессивность

Мы почему-то упорно не хотим замечать, что не только на постсоветском пространстве, а во всем европейском мире, наряду с ее невротической идеализацией, наблюдается кризис существующей формы демократической власти и ее институтов. Перед каждой личностью появилось слишком много угроз: экологического, техногенного, социального и криминального происхождения, от которых власть не может защитить (а точнее – от которых и она сама в ряде случаев оказывается беззащитной). В связи с этим граждане постепенно «переориентируют» свою лояльность на другие общественные институты (точнее – «организации самозащиты»): в том числе – крупные финансовые и промышленные корпорации с собственными «армиями», а также – этнические группы, расы, религии и т.д. Специалистам хорошо известно понятие «идентификации с агрессором»¹, и не будем развивать этот тезис.

¹ Кратко суть этого феномена состоит в следующем: «Если я сам буду агрессором, ко мне не смогут применить агрессию».

Чем закончилась попытка противопоставить национализму интернационализм – всем очевидно. Не пора ли объективно признать, что мы живем в обществе, где агрессивность поощряется, и даже более того – низкий уровень агрессивности, как индивидуальная или национальная черта, в некоторых случаях подается как негативное качество (например, в известных фразах «о «горячих» эстонских или финских парнях»). Естественная агрессивность сильно варьирует у различных этносов, и ее нельзя запретить или подавить; ее можно только канализовать и окультурить на основе единства духовных ценностей.

Депопуляция Европы

Любой нормальный гражданин с огромной симпатией воспринимает заботу государства о повышении рождаемости. Но есть процессы, которыми мы можем управлять, и есть исторические, цивилизационные и планетарные процессы, которые мы можем только отслеживать и благоприятно приспособляться к ним. Практически во всех европейских странах наблюдается явная или скрытая амбивалентность к пришлому населению. Однако, по прогнозам авторитетных экспертов, к концу XXI века афро-азиатское население будет составлять не менее 85...90 % планетарной популяции. Уже сейчас все «белое меньшинство» планеты оценивается в 21 %, а будет 10 % (сейчас в планетарной генерации 20-летних европейцы составляют всего 13 %). В ряде европейских стран, включая Россию, от 25 до 40 % взрослого населения вообще не планируют иметь детей. Одновременно с этим, по данным ВОЗ, за последние 2 – 3 десятилетия во всех развитых странах мира наряду с низкой рождаемостью наблюдается увеличение числа бесплодных браков, причиной которых почти в 50 % случаев является патология репродуктивной системы у одного из супругов. Фертильность² в европейской популяции уже давно намного ниже, чем в азиатской. Мы явно присутствуем при историческом процессе смены национальной и конфессиональной составляющей всей европейской популяции, и «планирование» этой новой семьи народов, скорее всего – вне нашей компетенции. Смена популяции – это явление Природы, а мы – лишь часть ее. Слегка преуспев в познании физических законов Природы, мы с некоторой наивностью предполагаем, что способны менять ход истории, опираясь при этом не столько на новые идеи, сколько на силу. Нет ли здесь заблуждения? Исторические процессы идут независимо от того, нравятся ли они нам или нет.

Психоз и эстетика зла

Уверен, что многие не согласятся, но наши демократические ценности сильно обветшали, более того, необходимо признать, что они во многом дискредитировали себя, и уже не имеют того пафоса и привлекательности, за которые когда-то шли на баррикады и на смерть. Конфликт «между личностью и внешним миром» нарастает, и психопатологи знают, что

² Под фертильностью понимается способность женского или мужского организма к участию в оплодотворении.

именно этот фактор является одним из ведущих в развитии тяжелых психических расстройств. Мы не заметили того, как после долгого периода развития по пути европейского христианского гуманизма, пришедшего на смену искренней вере, оказались без веры и без идей. Мы все еще прибегаем к высокому слогу при описании современной действительности и все чаще снисходительны к злу. Это звучит не очень убедительно, но давайте повнимательнее всмотримся в лицо современного кинематографа, который удовлетворяет наши эстетические потребности. К тем – кто, отвергая идентификацию с насилием, будет отрицать победное шествие эстетики зла по всем каналам СМИ. Возникает второй вопрос: откуда такая потребность в идентификации с жертвой? Мы последовательно психопатологизируем общество, а затем пытаемся улучшить его законодательным путем, провоцируя еще большее углубление конфликта.

Нарциссическое расстройство

Нашими общими усилиями мы создали высокую духовную и материальную культуру, получившую название европейской. Но она не единственная. Последнее столетие мы стали сначала объединять, а потом путать культуру с техническим прогрессом, а позднее технический прогресс с цивилизационным процессом, который нарциссически идентифицируется нами только с Европейской цивилизацией. Нет ли здесь заблуждения, или даже ряда заблуждений? Действительно ли весь неевропейский мир, в котором сейчас живет 79 % населения планеты, страстно желает присоединиться к нашей преимущественно благоухающей, но местами дурно пахнущей алкоголем, безверием, наркотиками, распадом семьи, проституцией, порнографией, коррупцией и продажностью цивилизации? А если они не захотят? Какое наказание ждет инакомыслящих со стороны тех, кто столетиями отстаивал право на инакомыслие? Не прослеживается ли здесь некая идея цивилизационного превосходства, которое ничуть не лучше расового или национального?

Культура и технический прогресс

Удивительно, что даже некоторые специалисты считают невозможным строго дифференцировать культуру, технический прогресс и цивилизацию. Культура – сакрального происхождения, идет от культа, а затем – из храма. Она возвышена, духовна, исходно аристократична и персонифицирована, то есть имеет высоких носителей, формирует (соответствующие конкретной эпохе) систему ценностей, идеалы и смыслы бытия. Культура – это то, что делает людей личностями. Технический прогресс – мирского происхождения, он ориентирован в основном на удовлетворения телесных потребностей, начиная от орудий охоты и земледелия, и кончая всеми современными попытками покорения природы и народов (как части живой природы); он имеет свои методы, орудия и даже выдающиеся достижения, которыми может воспользоваться любой человек, в том числе – обезличенный. Цивилизация же, в отличие от ее традиционного понимания как «уровня общественного развития» – должна рассматриваться как непрерывный исторический процесс, развивающийся по своим (при-

родным, в частном случае – социальным) законам, относительно независимым ни от культуры, ни от технического прогресса; а все ее формы, начиная от древнейших до современных, принадлежат к единой земной цивилизации. При этом, как нетрудно заметить, на протяжении доступных нам периодов истории центр развития цивилизации постоянно перемещался в географическом и этническом пространстве планеты Земля. Была Месопотамская, Египетская, Греческая... Сейчас – Европейская. Почему она должна быть последней? Лучшая ли она? Не возвращаемся ли мы вновь к идее «высшей стадии развития человечества»?

Исчерпан ли ресурс развития?

Может быть стоит посмотреть и на демократию (как вариант «светской теологии», знаменовавшей кризис веры), и на технический прогресс, сформировавший специфическую мораль «общества потребления», как на глубоко взаимосвязанные процессы, где все меньше места для веры и культуры (что закономерно, ибо вера и культура не относятся к тому, что можно «употреблять»).

Предвидя типичные обвинения в «пораженчестве» и утверждения, что европейская культура устойчиво лидировала в течение двух последних тысячелетий, хотя европейцы никогда не были популяционным большинством, следует добавить: мы лидировали и выигрывали технологически и экономически в условиях асинхронного развития других стран и народов, когда европейский научный и экономический прорыв долгое время «сосуществовал» с феодальными и даже первобытно-общинными отношениями на значительной части территории планеты. Сейчас, практически все высокие технологии становятся общедоступными, за исключением некоторых стратегических, которые нашим же (сверхдержавным) решением запрещены к передаче третьим странам (что в ряде последних характеризуется как вариант «неоколониализма»). Технологии – общедоступны, а популяционные ресурсы, впрочем, как и природные ресурсы – резко отличаются. Надо ли этого бояться? История – это не соревнование. Здесь требуется мыслить не узконациональными, а историческими категориями, пытаясь охватить столетия и тысячелетия, которые для истории – не более, чем миг.

На вопрос, вынесенный в подзаголовок, – нет ответа. Как уже отмечалось, мы не знаем тех исторических законов, по которым развивается планетарная цивилизация. Мы можем лишь констатировать: европейская популяция демонстрирует тенденцию к убыванию, национальной и территориальной замкнутости в своих исконных территориях, а афро-азиатская – к приросту и к «экспансии». Последняя также демонстрирует более активное и агрессивное (как в хорошем, так и не в лучшем смысле) поведение в политическом, экономическом, географическом и историческом пространстве. Здесь легко найти множество объяснений или спрятаться в очередной раз за некими привнесенными толкованиями. Можно попенять на леность души и тела, на ненадежность будущего и т.д. и т.п. Но на самом деле – мы не знаем: почему так?

О приоритетах национального развития

Верно ли они избраны? Забота о том, чтобы все были накормлены и согреты, грубо говоря, мало отличается от типичных задач, с которыми постоянно сталкиваются в животноводстве. А того, что в Христианстве получило наименование «окормления» – при таком подходе вообще не требуется. Одновременно именно ненасыщаемое тело, на удовлетворение потребностей и комфорт которого ориентирован прогресс, сейчас играет злую шутку с Европой. Прогресс требует, хотя и много меньше, чем при строительстве пирамид, но, тем не менее, огромное количество рабочих рук. А начиная с 70-х годов XX века на нашем и Северо-американском континентах появилось множество профессий, которые лишь «по остаточному принципу» выбираются представителями титульных наций. Это строители, горные рабочие, дорожные рабочие, обслуживающий персонал гостиничного и ресторанного бизнеса, уборщики и т. д. Поэтому, все развитые страны вынуждены принимать мигрантов. И будут принимать. И здесь возникает новая проблема: отношение к мигрантам и с мигрантами. Френсис Фукуяма в свое время описал, как этот процесс происходил в XX веке в США, когда белое большинство *снисходительно* согласилось принять в свои ряды немного темнокожих американцев, при условии, что те примут их идеалы и ценности. Этот проект оказался относительно удачным для экономически развитых США, где и белое большинство, и темнокожее меньшинство имели весьма специфическую историю. Но это вовсе не значит, что этот же сценарий удастся реализовать в современной Европе.

Обратимся еще раз к истории. Современные итальянцы – это уже не древние римляне, но и не варвары, которые разрушили Рим. Это новая идентичность. Если же действовать с позиций силы, предлагая «иным» что-то типа гетто или резерваций, мы можем не заметить, как сами окажемся там же. Поэтому уже сейчас, даже не зная – куда повернет колесо истории, надо начинать к другим относиться так, как мы бы хотели, чтобы относились к нам, когда (или в случае, если) мы станем популяционным меньшинством на собственных исторических территориях. Сохранение национальной идентичности, которая является высочайшей ценностью для любой нации – это самостоятельный, слишком большой и очень болезненный вопрос, требующий обсуждения и анализа и в его краткосрочной, и в долговременной перспективе.

Заключение

Многое свидетельствует, что мы пришли к началу нового века с весьма противоречивым, достаточно аффективным и мало осмысленным багажом достижений и утрат предшествующих столетий и даже тысячелетий. Все предшествующие империи и цивилизации были конечными. Почему наша должна быть исключением? Тревога небытия категорически отвергает такой исход – ведь мы почти убедили себя, что живем в мире, прогнозируемом и управляемом на основе научных подходов. Так ли уж это верно?

Present-Day Europe: in Search for Civilized Identity

M.M. Reshetnikov

Eastern European Institute of Psychoanalysis, St. Petersburg

Key words and phrases: natural equality; humanitarian concepts; democracy ideas; nationalistic tendencies; social activism; transformation of parent structures; civilization.

Abstract: The attempt to generalize some of the most urgent humanitarian problems is made. Preseving national identity which is the greatest value for any nation is a big and difficult problem that requires discussion and analysis both in short-term and long-term view.

© М.М. Решетников, 2007